

УДК 323, 316.42

КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНТЕКСТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ: ГЛОБАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

И. В. Кирдяшкин

Томский государственный университет
E-mail: kirdjshkin@mail.ru

В статье рассматривается содержание глобального коммуникативного контекста политической социализации молодежи. Выделяется ряд его компонентов: переходность смыслов, ослабление правил, проявления культурной гетерогенности, приоритет модуса настоящего времени, индивидуализация взаимодействий, усиление темпов изменений, культура архаических стереотипов, культура «небезопасного общества» и феномен Старшего Брата.
Ключевые слова: глобализация, политическая социализация молодежи.

Communicative Context of Political Socialisation of Youth: Global Aspect

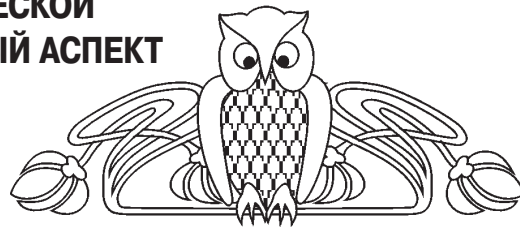
I. V. Kirdiashkin

In article the maintenance of a global communicative context of political socialisation of youth is considered. Are allocated a number of its components. It transitivity of senses, absence of rules, displays of cultural heterogeneity, a priority modus the present, an individualization of interactions, strengthening of rates of changes, culture of archaic stereotypes, culture of «an unsafe society» and a phenomenon of the Big brother.

Key words: globalisation, political socialisation of youth.

При росте измерений политической социализации в современном обществе изначально важным является ответ на вопрос о сущности восприятия человеком политического мира. В этом отношении базовые определения политической социализации, согласно которым человек в ней осваивает политический мир и его культурные основы, можно дополнить несколькими теоретическими положениями. В их числе положение о том, что политическая социализация есть процесс познания базовых основ политического мира, его культуры и механизм самопознания человека, изучение которого имеет междисциплинарный характер. Положение о эпистемологическом измерении политической социализации можно «уточнить» положением о том, что познание основывается не на получении знания о политическом мире в «чистом» виде, знание всегда опосредовано контекстом. На языке контекста с человеком «говорит» современность. Глобальные его параметры определяют смыслы этой респонденции.

Исследование процессов и методов политической социализации молодежи, выражающее релевантный аспект социализации вообще, определяет состояние и характер пространства такого контекста политической социализации как коммуникации. В данном случае коммуникация

рассматривается в духе концепции коммуникации немецкого философа, социолога Н. Лумана. Коммуникация в его теории не определяет передачу или «перенос» сообщения от отправителя получателю. Коммуникация – отбор. «Коммуникация, – пишет исследователь, – выхватывает из любого актуального горизонта указаний, который она же и конституирует, нечто и оставляет в стороне иное <...> Отбор, актуализирующийся в коммуникации, конституирует свой собственный горизонт; он уже конституирует то, что отбирает отбор, а именно как информацию. То, что информация сообщает, не только отбирается, оно уже само есть выбор и в силу этого сообщается. Поэтому коммуникация должна пониматься не как двухзвенный, а как трехзвенный процесс отбора»¹. Коммуникация состоит из информации, которую мы выбираем из контекста как репертуар возможностей, сообщения как установления сопряженности системы с информацией, ее смыслом и понимания как принятия или непринятия отбора. Вместе с тем понимание представляет собой сконструированный аспект реальности². Поэтому коммуникативный контекст детерминирует понимание смысла политической социализации и политического участия.

Коммуникативный контекст образует знаковое пространство ограничения коммуникации в процессе политической социализации, артикулируя в качестве ведущих способов понимания политической реальности те, а не иные политические смыслы и формы операционализации политических событий, реализующие стратегию социально-политического контроля и форм регуляции политической социализации.

Коммуникативный контекст можно определить как априорную форму коммуникации человека и политического мира, его культуры и структурообразующих ценностей, меняющую образ социальной и политической реальности. Контекст как средство познания политического мира изменяет его предмет, вбирая в себя и определяя тематическое пространство его изменения. Контекст есть осмысленная в горизонте возможных организация сообщения политического мира с системами окружающего мира. При этих теоретических допущениях ключевой особенностью коммуникативного контекста политической социализации именно молодежи является важность его нацеленности на выигрыш во времени. Иначе говоря, нацеленность на потенциальные когнитивные схемы как схемы

выделения человеком потенциального «своего» в структуре политического мира, того «своего», которое еще не состоялось как устойчивая когнитивная схема или компетенция в политическом сознании молодого человека. Они должны представлять шанс повысить вероятность невероятных политических коммуникаций, согласующих разнообразие появившихся представлений о смысле политического мира и его институтов. В этом есть мотив попадания в искомое начало пути, в заново сконструированное начало формирования политического мира, в новое понимание его смыслов. Благодаря средствам роста эффективности технической коммуникации коммуникативный аспект, в том числе сформированный определенной политической культурой, начинает приобретать глобальное значение. Важно исследовать его сущностные стороны, определяющие в том числе конкретику пространства глобальных политических коммуникаций на будущее.

Одной из значимых тенденций современности является усиление темпов развития социального порядка, в котором каждый человек и культурный сегмент обретают значимость как системы, конструирующие и реализующие смысл. Конструирование общественных коммуникаций, их смысл и способ реализации все более исходят с позиций смыслов и опыта разных «наблюдателей». Тенденция сопровождается снижением роли социальных, увеличением значимости индивидуальных приоритетов и ценностей, ростом эффекта технических средств коммуникаций и производства «представлений» о социальной реальности. Это провоцирует: ослабление влияния на политику и смыслы политической социализации онтологических потребностей человека; ломку, трансформации этико-моральных стандартов; усиливает непредсказуемость социальных процессов и влияние феноменов, связанных с потенциальной (виртуальной) реальностью. Она меняет значение базисных мотиваций в обществе, задавая новые уровни и дифференциации ожиданий.

Суть современности можно определить как время кайрос, актуализирующий лиминальный аспект ценностей и смыслов современных политических миров как мест-пространств интеграции молодого человека. Кайрос стимулирует рост различий и числа потоков коммуникаций как образов и смыслов политического, презентуя вектор на общественную дифференциацию. В результате коммуникации нацелены на ограничение и формирование собственных, отклоняющихся форм, расщепляя политическое пространство смыслов и действий человека. Кайрос отличен ослаблением общих ценностно-нормативных опор бытия, обращением к прошлому за их мобильным (с целью исключения рисков коммуникации) восстановлением и повышением ценности событий настоящего. Это сопровождается тенденциями снижения значимости проекций будущего для общества. При этом кайросу свойственна установ-

ка на бесконечность бытия человека и его «вечную юность», придающую устойчивость интенциям всевозможности и всепреодолимости.

Концепция времени кайрос характеризует современность как процесс трансформации смыслополагающих конструкций общества, ставящий человека в ситуацию поиска, выводя на передний план задачу создания новых качеств времени, «опережающих» коды власти, преобразуя средства «конструирования» мира, делая политическую социализацию молодежи ресурсом вовлечения в системные операции общества новых структурных компонентов (ценностных, когнитивных), обеспечивая сохранение социума как целостности. Кайрос обозначает разрыв между двумя зонами – достаточно протяженными отрезками мировой истории, во время которых не происходит никаких чрезвычайных и радикальных событий, способных резко изменить ее ход, – когда совершается нечто экстраординарное, порождающее серьезные последствия для судьбы всего человечества. В кайросе происходят основные политические события, когда проявляются творческий динамизм, идейное нетерпение и духовная тревога, формирующие эпохи жизни народов и стран³.

Свойства переходного периода трансформируют весь мир социальности. И. Валлерстайн, выделяя в своей теории миросистемного анализа кайрос как трансформационное время-пространство, связывает его со временем-пространством человеческого выбора и периодом особо интенсивных свершений и преобразований. Оно воплощается не в последовательности событий, а в долговременных ментальных конструкциях, культурных архетипах, социальных иерархиях, то есть в «горизонтальных» цивилизационных структурах исторических систем. Это время, когда человек не может избежать морального выбора, в этом времени человек реализует свою свободную волю, творит новый порядок⁴.

По замечанию К. С. Пигрова, в кайросе синтезируются восходящая и нисходящая концепции современности. Первая, восходящая концепция вытекает из идеи прогресса. Во второй, нисходящей концепции современность теряет свою положительную значимость, в ней время «портится». В кайросе эти понимания соединяются, дополняя друг друга, осуществляя полноту времени, так как в нем нечто глубинное объединяет людей и их поступки. Кайрос – общественная тенденция, определяющая характер⁵ поколений человеческой культуры. Современность характеризует концепт «постсекулярность». Она демонстрирует культурную растерянность, охранительные рефлексии, общую депрессию позднего индустриализма, консьюмеризм, моральный релятивизм, эксцессы секуляризма. И это проявляется на фоне роста «цены» нематериальных активов человеческого бытия, составляющих в том числе результат их персонализации⁶.

Кайрос – момент в истории, который не обусловлен причинной связью, его причины не поддаются рациональному осмыслению, то есть осмыслению с позиции доминирующих в обществе ценностей и когнитивных схем, представлений. У философа культуры П. Тиллиха кайрос в его особенном смысле, решающий судьбу нынешней ситуации, есть приход новой теомии на почве секуляризованной и опустошенной автономной культуры. Теомной П. Тиллих называет культуру, все формы которой пронизывает и направляет сознание присутствия Безусловного. Кайрос в его общем и специфическом смысле, по мнению П. Тиллиха, есть каждый поворотный момент в истории, когда вечное судит и преобразует временное⁷. Концепция времени кайрос характеризует современность как процесс пересмотра ведущих смыслополагающих конструкций общества, ставя человека в ситуацию поиска новых, выводя на передний план задач управления создание нового качества времени, то есть времени, построенного в том числе на предпосылках нового опыта человечества.

Важность концепции предопределяется процессами усиления значения темпоральности как измерения индивидуального и социального бытия человека. Кайрос сопровождает рост мобильности изменений. Мобильность становится способом современного существования. Растет скорость передвижения, транспорта, систем обработки информации. Трансформации – время ускорения темпов жизни. Необходимость вписаться в подобный режим, замечают В. И. Чупров и Ю. А. Зубок, обуславливает появление культурных образцов ускоренного темпа жизни как способов адаптации к стремительно меняющейся, убегающей и «ускользающей реальности» (термин З. Баумана). Подобные образцы жизни «на скорую руку» в условиях сиюминутности в современной социологии получили название «инстант-культура». В условиях ускорения жизни индивидов (групп), пишут В. И. Чупров и Ю. А. Зубок, саморегуляция основывается на «быстром знании» (а по существу, стереотипах) о том, как оптимизировать результат в короткое время. Они подсказывают и референтные образцы, и цели, и способы достижения этих целей кратчайшим путем⁸. «Инстант-культура» может иметь разные образцы, но их мотивация не могут не детерминироваться собственно национальными, культурными стереотипами мышления и особенностями видения окружающего мира.

Политическая социализация становится важным фактором как ресурс «достройки» этих стереотипов, регулирования их усвоения в качестве целей и способов социализации, преодоления архаичности ценностей и способов существования и создания предпосылок будущего общества. Это не исчерпывает задачи политической социализации как фактора «опережения» времени.

Кайрос несет и запрос на различие как состояние конкуренции и синтеза символических

потенциалов культур. Так, современный мир характеризуют высокая степень социальной (и культурной) мобильности. Этому способствует, пишет Г. Ю. Канарш, усиление межкультурного взаимодействия, контактов и миграционных потоков. В результате большинство современных обществ не являются гомогенными в культурном отношении, они включают представителей иных культур, став культурно мозаичными. Данная ситуация, отмечает исследователь, порождает серьезную проблему того, каким образом в условиях этнической и культурной неоднородности возможно сохранение единства и стабильности обществ⁹.

Кайрос – «среда» конструирования концепций терпимости к «инаковости» и экстремизма в достижении целей, плодом противоречий которых должны стать новые, более комплексные критерии гражданственности. Действительность, пишут исследователи, без выверенных ориентиров, признаваемых авторитетов становится питательной средой двух крайностей саморегуляции: с одной стороны, толерантности в форме модной политкорректности, терпимости к «инаковости», даже в ущерб интересам большинства; с другой – различных отклонений и экстремизма, таких как максимализм и фанатизм в реализации собственных целей либо, наоборот, тотальное отрицание, нигилизм (общественно-полезной деятельности, законов, морали)¹⁰. Как следствие происходит активизация и переформатирование первоэлементов конструкций опыта и ориентационной оси «свой – чужой».

В этом отношении коммуникативный контекст политической социализации молодежи важен как проводник идей и технологий культурного и социально-политического согласия, нацеленный на формирование основ новых смыслов гражданской культуры, способных генерализовывать растущие культурно-индивидуальные различия.

Кайрос определяет персонализацию мировосприятия. В результате трансформируется социальность, важными элементами которой выступают сети межличностных отношений. Они обеспечивают взаимодействие, поддержку, идентичность, обработку информации. Вместе с тем ориентация в сети требует различных, изменяющихся под воздействием смены индивидуальных смыслов и направленности потоков «сообщений», знаковых выражений схемы восприятия «свой-чужой», технологизируя отношения между людьми.

Технологизацию отношений демонстрирует и набирающий развитие их сетевой формат, где схема «свой – чужой» – его основа. При этом сетевой формат во многом заново открывает значение индивидуальности в общественно-политических процессах, приковывая внимание к ней как источнику новаций, случайности, сложности. Сетевой формат социальности также усиливает значимость коммуникативных событий или «сообщений», точнее, потоков «сообщений», делая

социальные связи более гибкими и мобильными. Они становятся в той или иной мере «субъектами» глобальных процессов, реализуя новые социокультурные синтезы.

Как констатирует Вал. А. Луков, вызовы глобализации, выраженные в коллажах из фрагментов разных культурных стилей, формируют новые проблемные поля современной воспитательной деятельности. Во-первых, из иерархических структур, формальных институтов, из сферы заботы государства, церкви, системы образования воспитание все больше переходит в социальные общности, масштаб которых не имеет значения – лишь бы в общности была высокая степень идентичности, разделяющая людей, в нее входящих, на своих и чужих. Во-вторых, на фоне глобализации с ее развивающимся тотальным «контролем» над странами и личностью идет переконструирование связей, образующих общности. Иерархия в повседневной жизни людей все в большей мере уступает место социальным сетям. Причем исследователь отмечает, что эффекты сетевого построения общества проявлялись и раньше, но не имели такого значения для личности и общества, как в настоящее время. Уже сейчас сети преодолевают одномерного человека. В-третьих, сочетание иерархии и сетей позволяет разнообразить воспитательный импульс и, главное, обойти тотальность воздействия средств массовой информации. Этот обход, считает исследователь по путям, в чем-то напоминающим руссоистские планы воспитания нового человека, где воспитатель вновь ищет возможность опереться на соразмерность человека природе, простым и естественным человеческим отношениям¹¹. Сочетание иерархии, при условии ее опоры на образ и ценности социального будущего, и сетей может придать устойчивость социализации. При этом социализация уже будет иметь не столько национально-государственный, сколько глобальный «социальный охват».

«Кооперация» сетей, их согласование немислимы без комплексных концептов реальности и символических средств. Трансформационный аспект социальности требует от молодежной политики артикуляции «сообщений», которые могли бы нести двоякое содержание, сочетающее в себе персональное или локальное измерение смысла и его компонент, создающий интерактивную способность связи с «сообщениями», образующими глобальное измерение социализации.

Актуальность сетей как форм социализации среди молодежи основана на актуальности для нее выработки ценностно-нормативных основ бинарного схематизма селекции информации «свой – чужой», который составляет ведущий механизм функционирования и организации социальных сетей как альтернатив иерархическим структурам. В условиях трансформационного общества правила и нормы, на которых строится деятельность иерархий и институтов, становятся условностью. Более актуальными становятся

коды согласования различий и их бинарные символические механизмы селекции информации, выступающие регулятивами действия.

При этом не уходит значимость общих целей воспитания, проблематика которых в современных обществах стала одной из благоприятных факторов развития глобализации как проекта всемирной коммуникации и социального контроля. Общие цели воспитания определяются ценностями будущего, следуя из понимания мира как целостности, предопределяя вектор эволюции человека и общества, следующий из определенной «картины мира», дающей возможность использования в теоретических обобщениях и культурных программах какую-либо «часть» знаний о реальности. Это позволяло обществу строить относительно всеобщий уровень коммуникаций, выраженный в ценностях и приоритетах воспитания, социализации молодежи.

Актуальность политической социализации молодежи стимулируется ситуацией, когда модерн как процесс отграничения и утверждения в качестве универсалии социального порядка «части» знаний о мире, его «картины», относительно целостно отображающей некоторое число эмпирических фактов или событий, начинает ощущать недостаток символических ресурсов для генерализации различий. Преодоление этой ситуации требует как технологий продуцирования и заимствования символических средств, так и расширения пределов смысла проекта модерна как уровня всеобщей коммуникации.

Кризис модерна, ведущий к потере универсальных ценностей всеобщей коммуникации, актуализирует специфические смыслы управления социализацией молодежи. Нынешняя современность представляет особый этап эволюции модерна, которую он характеризует в разных терминологических понятиях. В частности, «легкий модерн», «дисперсная, сетевая модернити», «второй модерн», «текучую», связанную с подвижностью ее структур, отношений и традиций¹². И она имеет ряд особенностей.

Первой является то, что современное общество характеризует неопределенность. Хаос, пишет З. Бауман, перестал быть главным врагом рациональности, цивилизации, рациональной цивилизованности. Общество, «вещи», настоящее уходят из-под контроля. Все меняется и не подлежит регулированию. В этой ситуации стратегия борьбы за власть состоит в том, чтобы сделать одну из сторон неизвестной переменной в расчетах других сторон и предотвратить любую их возможность выступить в аналогичной роли. Господство достигается устранением правил, ограничивающих собственную свободу выбора, и установлением максимально возможного количества правил, предписывающих нормы поведения всем другим. «Чем шире поле для маневра, тем больше моя власть. Чем меньше моя свобода выбора, тем слабее мои шансы в борьбе

за власть»¹³. В условиях современного модерна эта диспозиция обретает новое содержательное наполнение. Правят те, которые максимально приблизились к возможности мгновенного перемещения, т. е. реально получили контроль над временем. Доминирование состоит в способности ускользнуть, отдалиться и праве выбирать скорость собственного перемещения. Современность помещает инструментарий управления в пространство и механизмы анти-нормативности. Управление политической социализацией становится феноменом, берущим начало в структурах и акторах, устанавливающих правила жизнедеятельности не только в национально-государственном, но и (возможно, столько) в глобальном политическом, социально-экономическом масштабах.

Многие исследователи рассматривают современность как «общество риска», которое обозначает утрату социально-политической традиции, ситуацию, когда ни в одной из сфер жизнедеятельности мы не можем рассчитывать на определенность. С этим связанная неопределенность обнаруживает не только многозначность коммуникации, но и ее случайный характер. Коммуникация предстает в качестве вероятностного процесса, непрогнозируемого и не «обеспечивающегося» традицией как проверенной практикой.

Влияние риска, отмечает Ю. А. Зубок, распространяется на организованные формы жизнедеятельности, на глубинные слои сознания и ситуативную мораль в обществе. Повсеместное взаимодействие индивидов и групп с условиями риска, считает исследовательница, способствует выработке отношения к риску как к естественной части содержания современного бытия. В сознании людей, пишет она, складывается определенный тип ценностно-нормативной системы, в которой риск является интегральным компонентом¹⁴. Как считает У. Бек, вместо ценностной системы общества социального неравенства на передний план выдвигается ценностная система «небезопасного общества». И если утопия равенства содержит идеал всеобщего благополучия, то образ общества риска ведет к требованию постоянной защиты. Никто, пишет исследователь, уже не думает о том, как иметь что-то лучше, думают о том, как избежать худшего¹⁵. Культура «небезопасного общества» способствует расширению значения властной стороны социального, ее трансформации в вид несанкционированного правовой регламентацией действия власти.

Проблемы общества риска усугубляются и синергетическим эффектом наложения прошлых (неразрешенных) проблем и новых глобальных вызовов. Регулятивом властного действия становится сопряженность с индивидуальным миром переживания человеком реальности. Индивидуальное восприятие коллективного опыта все более определяет процесс выбора политической, социальной позиции в социализации. Это усиливает сложность прогнозирования социальных и

политических процессов, скепсис по отношению социальным и политическим нормам общежития как таковым. Как отмечает Т. Лайф, индивидуализация, характеризующаяся общим снижением значения нормативности, стимулирует протест молодежи против общества¹⁶.

Индивидуализация в теории У. Бека означает «деконструкцию» прежних форм жизни и замену их на новые, при которых индивиды должны инсценировать свои биографии самостоятельно. Подобная реконструкция не происходит случайно или по индивидуальному замыслу, а определяется более общими условиями, создаваемыми обществом, государством. Индивидуализация, считают исследователи, означает дезинтеграцию определенностей индустриального общества, равно как и необходимость нахождения новых основ или источников определенности, то есть защищенности¹⁷. Процессы индивидуализации ослабляют социокультурные предпосылки политического консенсуса. Общество состоит из противоречивых пространств, являющихся и индивидуализированными (закрытыми), и глобально открытыми. В частности, молодое поколение через Интернет как индивидуализировано, так и космополитизировано. Индивидуализация биографий, вместе с культом личных достижений, порой сомнительных с точки зрения все же существующих моральных норм, дает крен политической социализации в пользу критериев, связанных со стратегией формирования лишь имиджа, сконструированной искусственной популярностью и известностью молодых людей, красиво сделанной «оболочки» человека как гражданина.

Важнейшим качеством современности является сложность выбора стратегии индивидуального развития. Мир сделался лишенным прочных оснований, определяя интерес молодежи к готовым решениям и социокультурным стратегиям.

Негативные последствия реализации модерна определяются его инструменталистской трактовкой (Ю. Хабермас). Инструментализм можно определить как часть исходной направленности модерна на отрицание сверхчувственного, культуры иденционального типа, традиции и прошлого. Инструментализм как путь нахождения универсальных критериев рациональности и способ управления культурным разнообразием определяет «изгнание» трансценденции из культуры. Эта установка нацелена на управление сложностью и устранение культурных различий, завоевание пространства как приоритет материального понимания сущего. Эта установка не только не преодолена в современности, но и еще более актуализирована в качестве ориентации в управлении сложными процессами. Актуализируется риск, в частности, связанный с цивилизационно-техническим окружением, которое создано человеком.

В индивидуализированном обществе почти ничем не ограниченная свобода делает так, что человек, ее постигнувший, может лишиться

уровня жизни, общественного положения без «предупреждения». Ценой сверхсвободы стала небезопасность, неуверенность, неясность того, куда пойдет ход вещей, кому верить.

Происходит перемещение смысла человеческого существования к проблеме возможного, задается вероятностное видение современности, сопряженное со свободой без онтологии. Это дает специфическое прочтение актуальности и смыслов современной молодежной политики, предполагает ее нацеленность на урегулирование проблем безопасности, снижение конфликтности социализации, преодоление неопределенности. Ценности современного общества, включающие ценностную систему «небезопасного общества», продуцируют релевантные им коммуникации, конструкции мировоззрения и социального контроля. Их структурные образцы формируют специфические парадигмы воспитания молодого поколения.

В частности, формирующиеся обществом риска воспитательные концепции, моделируются в теле-шоу «Старший Брат». Близким ему по жанру стали французское шоу «На чердаке», англо-американская игра «Слабое звено», американско-английская «реалистическая драма» «Последний герой». З. Бауман связывает возникшую на рубеже веков популярность телеигры «Старший Брат» с новыми страхами. Название идет от образов романа Дж. Оруэлла «1984», где «Старший Брат» был символом, проницающей весь жизненный путь человека, жестокой и беспринципной власти. «Старший Брат» есть обобщенный образ непредсказуемого, но управляемого всем внешнего мира, который предстает перед зрителями и участниками шоу причудливым и непредсказуемым, преподносящим один сюрприз за другим, при этом никогда не раскрывающим своих карт. «Старший Брат» и «Слабое звено» демонстрируют зрителям «используемость человека». История выживания вынужденно разворачивается по одному и тому же сценарию. В этой игре жалость и сострадание равносильны «самоубийству».

Реалити-шоу «Старший Брат» – игра на выживание. Вытеснение других в этой игре является нормой. В противном случае вытеснят тебя. Это главный принцип успеха в теле-шоу. Совместные «альянсы», дружеские связи в игре существуют лишь «до особого уведомления» и распадутся, как только в них пропадет нужда. Важным событием игры является ежедневный ритуал публичной исповеди. Вышедшие из «боя» победителями исповедуются наряду с униженными и проигравшими. Люди рассказывают свои истории. В них каждый считает обязанным своим успехом только самому себе (своей проницательности, сообразительности), а в проигрыше винит только отсутствие или нехватку у себя всех или некоторых из этих качеств¹⁸.

Так формируется своеобразная концепция современного воспитания, порожденная обществом риска. Как замечает Вал. А. Луков, в педагогике

«Старшего Брата» и последовавшей за ним телеигры «Слабое звено» и других в качестве положительной программы жизни представляются идеи, которые излагались в мировой литературе (философской, художественной) как программа людей порочных, антиподов гуманизма. Исследователь выделяет несколько постулатов, следующих из модели мира, представленного в игре. Во-первых, это опора на себя, выживание любой ценой. Во-вторых, жизнь есть игра. Игровая основа жизни обретает ясные контуры. Игра из казино перемещается в обыденное поведение людей. В-третьих, планирование жизни не имеет смысла, длительные личные планы дезориентируют человека в обществе неопределенности и риска. При этом декларируется установка – жить сегодняшним днем. Теряет смысл подготовка к будущим этапам жизненного пути человека. В-четвертых, если нет места для долгосрочных жизненных планов, то движение от этапа к этапу происходит через волю Старшего Брата, то есть движение индивида по жизненной траектории определяется неведомой внешней силой¹⁹.

Источником воспитательных идей становятся не утрачивающие авторитет родители и учителя, а анонимная, не имеющая лица, сила – Старший Брат. Он, в отличие от образа Оруэлла, не требует любви, благодарности или верности. Он «выполняет» свою работу при том условии, что его подопечные не вмешиваются в его деятельность и принимают ее как должное, не задумываясь о ее мотивах, не пытаясь их понять. Он беспристрастен и непредсказуем, создавая условия и правила, непостижим, не связан природой и разумом²⁰. Старший Брат являет собой образ анонимного регулятора общества, который непредсказуем и может быть «опасен» в своих решениях. В этом отношении коммуникативный контекст актуализируется для выработки нормативов совместного бытия представителей разных возрастных групп, снижения вероятности дискриминации их представителей и радикализации настроений молодежи. При этом фигура Старшего Брата, обозначающая неопределенность критериев политической социализации (и социализации вообще), делая этот процесс по своей сути манипулятивным, а коммуникацию мало вероятностной.

Таким образом, к ведущим компонентам глобального коммуникативного контекста политической социализации молодежи, которые образуют знаковое пространство ограничения коммуникации в процессе политической социализации, реализуя социально-политического контроля и глобального формата его регуляции, можно отнести следующие смысловые блоки: устойчивость интенций всевозможности и всепреодолимости при принципиальном отсутствии (отсутствии ценности) правил, индивидуализация и сетевизация отношений, актуализация архаичных стереотипов как способов организации реальности, мозаичность культуры, культура «небезопасного общества»,

превознесение культа человека индивидуального и вместе с тем феномен Старшего Брата как мотива неспособности повлиять на происходящее. В целом они представляют собой переходные значения ценностей и смыслов политического мира и составляют производную, в том числе, «выживательных» стратегий общества, диктуя отбор соответствующих ценностей и образцов, а также моделей политической социализации. Их отличием является краткосрочность взаимодействия с Другим, возможно, его «игнорирование».

Управление коммуникативным контекстом политической социализации современной молодежи актуализируется в условиях трансформаций, обусловленных переходным значением критериев социализации, тенденций ослабления значимости модуса будущего для общества. Концепция времени кайрос определяет современность как темпоральность, актуализирующую коррекцию, пересмотр ведущих смыслополагающих конструкций общества, ставя человека в ситуацию поиска, выводя на передний план задач управления создание нового качества времени, то есть времени, построенного на предпосылках опыта (ценностях, мировоззрении), способных «опережать» коды власти в целом. Актуальность определяет усиление значения темпоральности как измерения индивидуального и социального бытия человека. Кайрос сопровождает рост мобильности изменений (скорость транспорта, средств и обработки сообщений). Ускорение темпов жизни порождает значимость в качестве средств саморегуляции «быстрого знания», основанного на стереотипах и архетипах как целях и способах достижения этих целей кратчайшим путем. Коммуникативный контекст политической социализации молодежи важен как ресурс «перестройки» этих стереотипов и регулирования их усвоения, преодоления архаики социального существования и создания предпосылок будущего общества, средство формирования новых основ (смыслов, ценностей) гражданской культуры, нацеленной на генерализацию индивидуально-культурных различий.

Трансформации социальности определяют коммуникативный контекст в символическое средство, «сообщения» которого несут содержание, сочетающее в себе персональное или локальное измерение смысла, и его компонент, создающий интерактивную способность связи с «сообщениями» из других источников, выводящих на глобальное измерение смысла социализации как коммуникации. На передний план выдвигается ценностная система «небезопасного общества», формирующая релевантные ей коммуникации процессов социализации, усиливающие модус настоящего. Среди них опора на себя, выживание любой ценой, жизнь есть игра, формирование имиджа гражданина как его краткосрочную «оболочку». В этом плане коммуникативный контекст политической социализации молодежи важен как регулятив систем выработки критериев совмест-

ного существования представителей различных возрастных групп. Важна его нацеленность на снижение дискриминации какой-либо из этих групп (в частности, молодежи), на снижение рисков социализации, как важных предпосылок «выигрыша» во времени, а также – на формирование сущностных, связанных с историческими культурными смыслами, в частности, российской цивилизации, но не фантомными «оболочками» гражданина от политической конъюнктуры.

Снижение значимости универсальных критериев, ценностей и уровней коммуникации ведет к инерции и хаотизации векторов социальных трансформаций и замедлению времени общества (эволюции ценностей и представлений), снижению темпов его «адаптации» в окружающем мире. В этой связи актуализируется роль коммуникативного контекста политической социализации для общества в качестве средства ускорения времени как условия его выживания в среде других обществ, нового «выигрыша» во времени в технологиях жизнедеятельности. В условиях снижения значимости ценностей всеобщей коммуникации (ослабляющих модус будущего для общества), провоцирующих рассогласование траекторий изменений, коммуникативный контекст может выступать в качестве средства создания предпосылок социальных изменений. Коммуникативный контекст становится важен как средство, проецирующее потенциальные возможности согласия, синтеза элементов локальной и индивидуальной культур, ментальных и виртуальных измерений бытия человека, механизмы их социальной и персональной реконструкции, образующих целостное, сотканное из разнообразия траекторий время будущего для общества. Это время непременно должно быть релевантно истокам культурных смыслов общества, «проверенных» событиями истории и «выживших» в ней в качестве центров притяжений коммуникаций многих поколений. Только так можно сдерживать порой разрушительные силы времени кайрос и формируемого им глобализационного коммуникативного контекста.

Примечания

- 1 Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007. С. 196.
- 2 См.: Луман Н. Введение в системную теорию. М., 2007. С. 310.
- 3 См.: Бачина В. А. Библейская теология времени и вечности // Модусы времени. Социально-философский анализ : сб. ст. СПб., 2005. С. 215.
- 4 См.: Валлерстайн И. Изобретение реальностей времени-пространства : к пониманию наших исторических систем // Время мира : альманах. Новосибирск, 2001. Вып. 2. С. 116.
- 5 См.: Пигров К. С. Современность : время инноваций и настоящее // Модусы времени. Социально философский анализ. С. 155, 160.

- ⁶ См.: Неклесса А. И. Будущее и грядущее : кризис современного мира // Полис. 2012. № 2. С. 76.
- ⁷ См.: Тиллих П. Избранное : теология культуры. М., 1995. С. 228–231.
- ⁸ См.: Чупров В. И., Зубок Ю. А. Социология молодежи. М., 1995. С. 297.
- ⁹ См.: Канарш Г. Ю. Социальная справедливость : философские концепции и культурная ситуация. М., 2011. С. 178.
- ¹⁰ См.: Чупров В. И., Зубок Ю. А. Указ. соч. С. 304.
- ¹¹ См.: Луков Вал. А. Теории молодежи. Междисциплинарный анализ. М., 2012. С. 375.
- ¹² Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008. С. 130–131.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: Зубок Ю. А. Риск как фактор социального развития молодежи : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2003. С. 170.
- ¹⁵ См.: Beck U. Risk society revised : theory, politics and research programs // The risk society and beyond. Critical issues for social theory / eds. B. Adam, U. Beck, J. V. Loon. L. : Sage Publications, 2000. P. 49.
- ¹⁶ См.: Leif T. Individualisierung als Katalysator jdtu Bremser von Engagement? // Heitmeyer W., Jacobi J. Politische Socialisation und Individualisierung. Weinheim ; Munchen, 1991. P. 145–147.
- ¹⁷ См.: Beck U. Risk society : towards a new modernity. L. : Sage Publications, 1992. P. 13–14 ; Зубок Ю. А. Указ. соч. М., 2003. С. 162.
- ¹⁸ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005. С. XLI – XLV.
- ¹⁹ См.: Луков Вал. А. Указ. соч. М., 2012. С. 105.
- ²⁰ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. С. XLVI–XLVIII.

УДК 32.019.5

«НОВОСТНЫЕ ЦЕННОСТИ» РОССИЙСКИХ СМИ

А. В. Россошанский

Саратовский государственный университет
E-mail: avrossoshanskiy@mail.ru

Статья посвящена понятию «новостные ценности» и тем «фильтрам», на основе которых происходит отбор и освещение новостей в отечественных СМИ. На конкретных информационных материалах рассмотрены технологии фрейминга в российских СМИ.

Ключевые слова: «новостные ценности», информационная «повестка дня», фильтрация новостей, технология фрейминга.

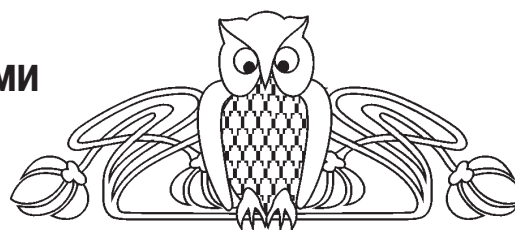
«News Values» of the Russian Mass Media

A. V. Rossoshanskiy

The article is about the notion of «news values» and filters the Russian media usually use for selecting and covering certain issues. Framing is analyzed on the basis of news stories run by the Russian mass media.

Key words: «news values», media agenda, filtering of the news, framing.

Ежедневно в мире происходит огромное количество событий, которые насыщают информационную сферу современного общества. Но информация становится новостью только в том случае, если она получает освещение в СМИ, занимает определенное место в информационном пространстве. В этом смысле СМИ формируют новостную повестку дня, целенаправленно воздействуют на общественное мнение, программируют не только настоящее, но (в определенной степени) и будущее поведение политических акторов. Освещая многообразие политической жизни, комментируя и интерпретируя различные политические события, СМИ зачастую очень противоречиво реализуют свою политическую функциональность. С одной стороны, они пред-

лагают социуму такие ценностно-смысловые модели, которые могут объединять общество, цементировать его, эффективно снимать социальную напряженность. С другой, в случае абсолютизации отдельных мотивов в формировании «повестки дня» и использования определенных технологий подачи материала, они могут подрывать устойчивость общественно-политической и социально-экономической системы, способствовать нагнетанию противоречий между отдельными социальными группами в определенных сферах жизни российского общества.

При отборе событий, субъектов и проблем, достойных освещения в средствах массовой информации, используется три основных фильтра новостного формата. Прежде всего, это политические, экономические и коммуникативные интересы собственников и главного редактора¹ как составные элементы редакционной политики. Во-вторых, собственно «новостные ценности», то есть критерии оценки события как информационного повода. В-третьих, большое значение имеет технологическая специфика «производства» и распространения новостей в различных СМИ (например печатные и электронные).

В рамках данной публикации рассмотрим только специфику «новостных ценностей» российских СМИ, основные приемы, которые используются для их внедрения в массовое сознание, а также их противоречивые последствия для общества.

Как представляется, наиболее четко понятие новостной ценности сформулировано в книге американского автора Джозефа Доменика «Динамика массовой коммуникации»², а также в работе